

Н. А. Лукьянова

Новосибирский государственный университет

Когнитивные источники образных слов

Данная публикация является продолжением статьи «Слова с простыми и сложными образами» [Лукьянова, 2004], в которой изложено представление об образе как о психическом и языковом феномене, о соотношении между образом и внутренней формой слова, или его мотивированностью, а также затронуты некоторые другие вопросы, связанные с образностью как свойством экспрессивных лексических единиц.

Образ – это целостное представление (в различной степени конкретное, наглядное, картинное, красочное, яркое, «живое») о некотором предмете, явлении, которое бессознательно и осознанно возникает в ментальном пространстве носителей данного языка и данной культуры путем его соотнесения с представлением о другом предмете, явлении, уже существующем в коллективном и / или индивидуальном сознании и речевой практике говорящих на данном языке. *Языковой образ* – выраженный языковыми средствами психический образ. По В. фон Гумбольдту, слово возникает на основе чувственного восприятия предметов; «оно есть отпечаток не предмета самого по себе, но его образа, созданного этим предметом в нашей душе» [Гумбольдт, 1984, с. 80].

Данное определение можно экстраполировать на образ, вербализованный различными единицами языка. Например, образы, созданные на основе зоо-соматического образа ‘хвост’, выражается: а) словами – *словесный*, или *слово-образ* (семантическими метафорами: *хвост кометы*, *хвост волос*, *хвост очереди*, *хвост ‘академическая задолженность у студентов’*, диалектное *хвост / хвосты* ‘сплетня, сплетни’; словообразовательными метафорами: *шилохвость* – название дикой утки; *хвостист* – о студенте, имеющем академическую задолженность; *охвостье* ‘остатки сена’, *вертихвостка* – о несерьезной, легкомысленной девушке, женщине, *прихвостень*; диалектные слова: *хвостать* ‘хлестать кого-н. веником в бане’, *выхвостать* ‘вырубить с корнем растение, дерево’, *бухвостить* ‘сплетничать’, *бухвостка* и *двухвостка* ‘сплетница’); б) устойчивыми словосочетаниями с номинативным значением (*щучий хвост*, *сорочий хвост*, *кошачий хвост*, *верблюжий хвост* – названия растений, *ласточкин хвост* – в строительном деле ‘специальный способ кладки бревен’); в) сравнениями (*бегать за матерью хвостом* или *как хвост*); г) фразеологизмами (*прищемить <прижать> хвост* (кому-н.), *вертеть <вилять> хвостом*, *(и) в хвост и (в) гриву*, *возжа <шлея> под хвост попала*); д) этот образ воплощается в пословицах (*где хвост начало, там голова мочало*; *не суйся в волки, когда хвост тёлкин, бабьему хвосту нет посту*).

© Н.А. Лукьянова, 2003

Цель данной публикации – выявить некоторые источники словесных образов.

При анализе материала использовались данные различных словарей, исследований, а также наши записи литературно-разговорного и диалектного дискурса, частично – пословицы и фразеологические единицы (далее – ФЕ). Анализируются лексические единицы (далее – ЛЕ) литературного языка и говоров. По нашему убеждению, в исследованиях лингвокультурологической направленности нельзя исключать из сферы анализа диалектный материал, наоборот, его надо активно вовлекать в эту сферу, потому что лексика общерусского и диалектного дискурсов в целом отражает дискретное единое и непрерывное ментальное пространство всех носителей русского языка. При моделировании общерусской (общенациональной) картины мира (далее – КМ) диалектные факты могут восполнить отдельные ее звенья, отсутствующие в сознании носителей современного литературного языка.

Основу диалектного материала составляют высказывания носителей говоров Новосибирской области (далее – НСО), извлеченные из наших записей их спонтанной речи, а также полученные нами путем обращения к языковой компетенции (рефлексии) говорящих во время диалектологических экспедиций.

Когнитивный источник образных номинаций можно определить как вербализованные языковыми средствами знание, представление, различные ассоциации о некотором реальном или вымышленном, ирреальном предмете, явлении действительности, которое (или которые) явились исходной базой для формирования представления о другом предмете, явлении той же действительности. По А.А. Потебне, это ассоциации между *новым знанием* о некотором предмете и *прежним, первичным опытом* (ср. его известный пример об ассоциации круглой лампы с «арбузиком» в КМ ребенка). В терминах-метафорах современных зарубежных ученых, это отношение между «*областью-источником*» и «*областью-мишенью*» в метафорическом отражении действительности.

При этом неважно, в какое конкретное историческое время возникла та или иная образная номинация. Как отмечает Ю.С. Степанов, «во всех концептах складываются, суммируются, идеи, возникшие в разное время, в разные эпохи, – историческое время, «хронология», вообще не играют при этом роли. Важны лишь ассоциации, сложения гармонирующих друг с другом идей (в концептах – «семантических признаков»)» [Степанов, 1997, с. 74]. Например, номинации с образами нечистой силы могли возникнуть в дохристианское, языческое, время и в разные «отрезки» христианского времени. Изучая мифологическую лексику русского языка, О.А. Черепанова обнаружила, что в ней «в XV-XVI вв. произошли существенные сдвиги, обусловленные мировоззренческими трансформациями», вызвавшие к жизни «новый пласт лексики, который, вобрав в себя определенное число элементов более раннего и даже очень раннего происхождения, дошел до нас в диалектных, региональных и общерусских материалах XIX-XX вв., естественно претерпев при этом определенные изменения» [Черепанова, 1991, с. 25].

Следовательно, изучение когнитивных источников мифологической, образной, метафорической или каких-либо других пластов лексики представляет собой совсем иной аспект, не тождественный изучению истории слов, но пересекающийся с ним. Опора на сохраняющуюся в значениях слов, фразеологизмов, особенно в произведениях устного народного творчества «культурную память» (метафора А.Т. Хроленко [Хроленко, 2000, с. 84]) очень важна при воссоздании исторической эволюции слова. Блестящие образцы исследования истории отдельных слов и выражений дают работы А.А. Потебни, В.В. Виноградова и других отечественных лингвистов. Лингвистические эссе В.В. Виноградова, ранее опубликованные и не опубликованные, рукописные, собраны в специально посвященной этой теме монографии «История слов», изданной под именем автора [Виноградов, 1994]. Это издание, осуществленное под ред. Н.Ю. Шведовой, – дань памяти и уважения великому филологу России и бесценный вклад в дальнейшее развитие

исторической лексикологии и лингвокультурологии.

Исходные, первичные знания, представления, на основе которых созданы вторичные образы, могут храниться в обыденном сознании носителей современного литературного языка и говоров, в поговорках, в интерпретированном виде – в различных словарях, текстах (лингвистических, культурологических, художественных, исторических и т.д.). Интерпретации тех или иных фактов самими говорящими очень важны в подобных исследованиях, особенно при изучении диалектного материала, мы опираемся и на этот источник в своем исследовании образных слов, хотя жанр публикации не позволяет вводить этот материал в большой объем. Он остается «за кадром».

Вопрос об источниках языковых образов затрагивается во многих работах и осмысливается под разными углами зрения, при этом используются различные языковые факты. В частности, получила глубокое освещение мифологическая лексика в работах О.А. Черепановой, например, в ее монографии [Черепанова, 1983], фразеология – в исследованиях А.М. Бабкина [Бабкин, 1970], А.И. Федорова [Федоров, 1970], В.Н. Телия [Телия, 1996] и др. Рассматривая русскую фразеологию в зеркале национального менталитета, В.Н. Телия вводит понятие «*источник культурно значимой интерпретации фразеологизма*». К таковым она относит «выраженные в языковой форме «вещные» или эталонизированные либо обретенные символическую функцию реалии, прескрипции и установки культуры, зафиксированные в фольклоре или в других типах дискурсов, особенно – в религиозных» [Телия, 1996, с. 239]. Термин В.Н. Телия и более традиционный термин *источник фразеологии*, употребляемый А.М. Бабининым, А.И. Федоровым и другими фразеологами, в принципе, тождественны. Используемый нами термин *когнитивный источник образной номинации* также относится к данной терминологической микросистеме и тоже предполагает интерпретацию языковых фактов. Собирая необходимые сведения об исходной базе того или иного образа, лингвист осмысливает, интерпретирует полученную информацию, создает свою версию, которая, естественно, не лишена субъективизма.

1. Языческие представления, суеверия, мифологические образы. Такие представления являются самыми древними в культуре разных народов. Архаический, первоначальный образ, на основе которого созданы другие образы, называется *прототипическим*. Он может быть выявлен путем обращения к информации об истоках культуры и этимологического анализа. По К. Юнгу, общечеловеческие изначальные образы и мотивы называются *архетипами* [Юнг, 1994, с. 105]. «Изначальные образы – это наиболее древние и наиболее всеобщие формы представления человечества. Они в равной мере представляют собой как чувство, так и мысль» [Там же, с. 106]. Замечательными исследованиями в сфере воссоздания архетипов индоевропейской культуры являются монография и словарь Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова, [Гамкрелидзе, Иванов, 1984], словарь М.М. Маковского [Маковский, 1996].

О мифологическом мышлении как особом виде мироощущения, о чувственных представлениях древнего человека о явлениях природы и общественной жизни, об особой магической силе слова, которое могло как принести спасение, так и навлечь несчастье, болезнь, «порчу», и т.д. написано очень много.

В современном экспрессивном лексическом фонде содержится большое количество вторичных номинаций, созданных на основе образов нечистой силы: беса / бесов, ведьмы, домового, лешего, чёрта, возникших в дохристианской славянской мифологии, а также христианских образов дьявола, сатаны, отождествлявшихся с образом черта, беса. В языковой картине мира (далее – ЯКМ) русских с образами беса / бесов, черта / чертей, сатаны связаны различные смыслы, которые выражаются преимущественно словообразовательными метафорами: а) «бурное проявление негативных эмоций, чувств, необузданность страстей, вы-

сокая / крайняя степень раздражения, гнева, злости, коварства и т. п.' – *бесить*, *беситься*, *перебеситься*, *бесноваться* (ср. *бесноватый* устар. 'душевнобольной, ненормальный; по старым народным представлениям, такой, в которого вселился бес'), *бешеный*, *чертыхаться*, *сатанеть* / *осатанеть*, *сатанинский*, *дьявольский* (*смех*, *хохот*, *улыбка*, *злость*) 'злобный, коварный'; б) 'устать, надоесть от длительной работы, беседы и т. и., и это вызывает раздражение' – *очертеть*, *очертеть*, *осточертеть*, *осатанеть*; в) 'непонятный, коварный' – *улыбка Джоконды*; в) 'резвиться, шалить без удержу', обычно говорится о детях с различными эмоциями, положительными или негативными, в зависимости от ситуации – *бесёнок*, *бесенята*, *дьяволёнок*, *чертёнок*, *чертенята*, *сатанёнок*, *сатанята* и диалектное (далее – диал.) с негативной оценкой *с'отаны*; г) 'высокая степень проявления природного признака, физиологической потребности, вызывающего сильное раздражение человека' – *дьявольский*, *чертовский* (*дождь*, *ветер*, *холод*, *погода*; *аппетит*, *голод*, а также ассоциативно связанные реалии *бедность*, *нужда*), *дьявольски*, *чертовски* (*палит солнце*, *холодно*, *душно*; *хочется есть*, *спать*); д) 'высокая степень раздражения по отношению к артефактам' – *дьявольский*, *чертовский*, *чёртов* (*рубашка*, *плащ*, *портфель*); е) в просторечии и говорах: 'физически много работать, заниматься всю жизнь физическим трудом, получая за это гроши', употребляются с негативной эмоцией – *чертячить*, *чертомелить*; ж) негативные характеристики мужчины: 'грубый' – *чертолом*, 'нелюдимый, угрюмый, неопрятный' – в сравнении *как леший*; диал. 'нелюдимый' – *леш'ак* и др.; бранно – *бесов* (*сын*, *отродье*); з) негативные характеристики женщины: 'злая, вздорная' – *бесовка*; бранно – *чертовка*; и) актуализация негативных признаков – в номинациях растений: 'сорное' – *чертополох*, 'колючее' – *чертогон*; к) 'нечто непонятное, невероятное, несуразное, нелепое', этот смысл выражается через собирательный образ нечистой силы – *чертовщина*, *дьявольщина*. С образом *чёрта* связываются и положительные смыслы: 'красивый' (возможно, только в индивидуальной КМ), ср.: ... и *кларнетист красив, как чёрт* (Б. Окуджава), 'мастер, знаток, мастак на что-н., в чем-н.': (*Я*) *горяч и в правде чёрт* (Г. Державин). Последнее значение, сейчас уже устаревшее, активно употреблялось «в простом разговорном стиле русского литературного языка конца XVIII – первой половине XIX в.» [Виноградов, 1994, с. 734]. Поэтические образы бесов, «бесовской» метели (вероятно, с социальным подтекстом) изображены А.С. Пушкиным в стихотворении «Бесы», образы «людей-бесов» 40-х гг. XIX в., «кружащих» Россию и сбивающих ее с истинного пути, – Ф.М. Достоевским в романе «Бесы».

В русских народных говорах зарегистрировано множество табуированных названий мифических существ. Как известно, по народным суевериям, произносить слова *антихрист*, *чёрт*, *дьявол* и т.п. считалось грехом, поэтому они заменялись другими словами: *антий*, *антит*, *анчут*, *анчутик*, *анчутка*, *анчушка* и др. [СРНГ, 1, с. 261-263], *братанушко*, *дворовой* (ср. *Дворовой коням гривы заплетат*), *суседушко* [СРГСУ, 1, с. 132]. Во многих русских говорах (Волог., Арх., Сев.-Двин., Новг., Пск., Перм., Свердл., Tobол., Том.) известно слово *банник* – 'по суеверным представлениям, злой дух, обитавший в бане, род домового' [СРНГ, 2, с. 95]. В говорах старообрядцев Забайкалья зарегистрировано слово *букусётка* – 'по суеверным представлениям, сверхъестественное существо, якобы обитающее в бане, которым пугали детей', в переносных (далее – перен.) значениях – о нелюдимом, угрюмом, молчаливом человеке и о неряшливом, неопрятном человеке (о женщине) [СРГСЗ, с. 58]. Образ мифического существа в женском облике, по поверьям, охраняющего огород, поле, передают диалектные слова *полудница* [СРГСУ, IV, с. 84] и *полудённица* [СРГС, 3, с. 364]. По данным О.А. Черепановой, существует более ста табуистических замен наименования чёрта (*левый*, *чернец*, *корнахвостик*, *беснятый* и т.д.), домового и лешего – немногим меньше [Черепанова, 1991, с. 25].

Возможно, изначальным образом разговорного слова *полуночник* 'тот, кто полуночничает, т. е. до поздней ночи не ложится спать, занимается чем-л. или проводит время вне дома' был образ домового, нечистой силы: в народных суевериях *полуночник* – «род домового, который в полночь обходит всю деревню и возится по задворкам» [СРГСУ, III, с. 252], *полунощник* – это злой дух, бес, нечистый, который в образе огненного змея или мужчины по ночам являлся женщинам, сильно тосковавшим об умерших или находившихся далеко от дома мужьях [Максимов, 1981, с. 465-466; Капица, 2001].

В синонимах *лихорадка* и диал. *лихоманка* запечатлена вера человека в демонов болезни: по народным поверьям, болезни у людей вызывали вселившиеся в них злые духи. Лихорадка представлялась в облике женщины. Существовали десятки названий дев-лихорадок и заговоры от них [ТСД, I, с. 258; Черепанова, 1977]. Табуистические названия *тряс'овица* и *тр'естя* сохранились в говорах НСО. В заговорах лихорадки-трясавицы названы по именам: «Тресея, Отпея, Гладея, Аввариуша, Храпуша, Пухлея, Желтея, Авея, Немея, Глухея, Каркуша – по их способности вызывать у людей глухоту, немоту, судороги или желтуху» [Капица, 2001, с. 52]. Имеются многочисленные работы, посвященные этим народным поверьям и названиям лихорадок (см., например, статью [Кузнецова, 2003], в которой дан солидный список таких работ).

Языческие представления отражены в образных значениях глаголов несовершенного вида (далее – НСВ) *столбенеть*, совершенного вида (далее – СВ) *остолбенеть* 'терять / потерять способность двигаться от изумления, душевного потрясения, страха и т. п.', в диалектных словах *остолб'еть* [СРНГ, 24, с. 72] (этот глагол был известен в древнерусском языке) и *остолб'ить*, *óстолбень* 'остолбенелый человек' [ТСД, II, с. 704]. Как известно, язычники поклонялись столбам (идолам, истуканам). В мифологической КМ дерево («Мировое дерево») символизировало не только Вселенную, но и ее создателя – божество. Этим объясняется сакральная значимость дерева у многих народов [Маковский, 1996, с. 140, 310]. Отсюда становится понятным соотношение значений 'дерево' и 'остановиться', которое передают приведенные слова. К денотативной сфере чувств относятся метафорические ЛЗ глаголов *деревенеть* / *одеревенеть* 'утрачивать способность чувствовать' (первичный образ – 'утрачивать / утратить чувствительность (о частях тела)'), *каменеть* / *окаменеть* (от ужаса, горя) (исходный образ – 'становиться твердым, как камень'), косвенно связанные с прототипическим образом 'столбенеть / остолбенеть'.

В русской картине мира через образ 'столб' (о/сл. **stьlbъ*: **stьlpъ*, и/е корень **stel-* 'ставить' [Черных, 1994, II, с. 204]) передаются различные представления и оценки. Негативные оценки (интеллектуальная, морально-этическая, эстетическая) связаны с представлениями о недалеком, темном, тупом, глупом, бесчувственном, малоподвижном человеке, которые закрепились не только в метафорических лексико-семантических вариантах (далее – ЛСВ) лексем *столб*, *идол*, *истукан*, но и в значениях целой группы синонимов и квазисинонимов с архисемой 'дерево': *остолоп* (в говорах зарегистрирован и диал. вариант *остолоб*) – *балда* – *балбес* – *болван* – *бревно* – *дуб* – *дубина* – *колода* – *обалдуй* – *оболтус* – *орясина* – *пень* – *полено* – *чурбак* – *чурбан* – *чурка*, а также во ФЕ *хоть кол на голове теши* – о тупом, упрямом и / или о малоподвижном человеке, *дубина стое-росовая* и диал. *чурка с глазами* – о глупом, недалеком человеке; диал. *óстолбень* 'болван; зевака; разиня; глупый и неповоротливый', другие значения – в дериватах *столбняк* (в прямом и перен. ЛЗ), диал. *остолб'уха* и *остолб'еха* 'сокрушительный удар кулаком по голове', *дать остолб'уху*, *тумака* 'ударить по голове' [ТСД, II, с. 704]. Положительные смыслы выражают устаревшие устойчивые словосочетания: *столбовой род*, *столбовой дворянин*, *столбовое дворянство*, в которых закрепились представления об исконности (основе) рода, его значимости в обще-

стве, знаменитости (ср. *столбцы* ‘родословные книги в виде свитка из подклеенных листов’), *столпы общества* – результат переосмысления *столп* ‘опора’ (известного с XI в. [Черных, 1994, II, с. 204]), *столбовая дорога*, *столбовой тракт* – представление о большой, главной (обычно почтовой) дороге, на которой стояли указатели верст – столбы, а также перен. значение ‘основное направление развития чего-л.’, например, в выражении *столбовая дорога русской литературы*. В русской КМ с образом ‘*столб*’ связано много других смыслов, которые выражаются разными ЛСВ лексем *столб*, *столп* и их производными.

Когнитивным источником образа *насолить* ‘сделать кому-л. неприятность, нанести вред’ является существовавшее в прошлом народное представление о колдовстве: болезнь и «порчу» могло вызывать разбрасывание с наговором различных предметов. Тот, кто переходил через заколдованный предмет или соприкасался с ним, подвергался «порче». Часто с целью «порчи» использовалась «наговоренная соль» [Виноградов, 1977, с. 163]. Мотив «порчи», вреда сохраняется во ФЕ *сыпать (насыпать) соли на хвост* (кому-л.) ‘навредить’, а также в сохранившейся до сих пор народной примете: просыпать соль – к ссоре. Современные словари, а также носители литературного языка и говоры интерпретируют значение ‘сделать кому-н. неприятность, навредить’ глагола *насолить* как семантическую метафору от ЛСВ ‘положить много соли в пищу’: большим количеством соли можно испортить пищу, сделать ее несъедобной, тем самым причинить *вред* кому-л. Следовательно, исходный образ этого глагола уже стерся в сознании современных носителей русского языка.

Известно, что представление о «всемогуществе» соли связано со значимостью ее как приправы к пище, которую русские ставят в один ряд с хлебом: хлебом-солью встречают гостей; «*без соли, без хлеба – худая беседа*» – гласит народная мудрость; *хлебосолом* считается радушный хозяин, а выражение *несолоно хлебавши* первоначально употреблялось по отношению к тому, кого хозяева не удостоили чести угостить соленой пищей. В некоторых сибирских говорах употребляется словосочетание *четверговая (четверёжная) соль* – ‘соль, освященная в церкви во время всенощной на великий четверг перед Пасхой (ей придается важное целебное свойство. Она хранится в божнице или где-нибудь в укромном месте)’. Иркут. [СФРГС, 1972, с. 202]. Целебная сила освященной в церкви соли приравнивается к силе освященной воды. Представление о соли как о нравственном стержне человека выражено в диалектной метафоре *бессольный* ‘вялый, безразличный, пассивный человек, в котором нет «соли»’, «порожденной» на основе первичного представления о *бессолой пище* – в которой нет или мало соли (в говорах НСО).

Таким образом, языческие представления наших далеких предков оставили весьма заметный след в экспрессивном лексическом фонде современного русского языка. Они сыграли свою роль не только в образовании вторичных образов в когнитивном пространстве русских и, соответственно, вторичных номинаций в системе лексики, но также и в формировании рядов синонимов и квазисинонимов, например: *черт – дьявол – бес – леший, чертовский – дьявольский* в разных значениях; в говорах НСО: *лихорадка – лихоманка – трясовица – трестя*, глаголы *чертомелить – чертячить*, которые входят в более широкий ряд *работать – диал. робить – вкалывать – мантулить*, ряд *остолбенеть – одеревенеть – окаменеть*, сформировалась целая группа метафор-существительных с негативной оценкой глупого, недалекого, малоподвижного человека.

2. Реалии религиозного культа, библейские мотивы, образы. К этому источнику относятся такие метафорические номинации, как *ангел* – о ребенке, *ангельский (характер)*, *райский (уголок, жизнь)*, *божок* ‘кумир’, *божество* ‘предмет обожания, поклонения’, *божеский (условия)*, *божественный (голос)*, *божиться* ‘клятвоуверять’, *воскрешение (картины)*, *воскресение (старых идей)*, *жертва (семейных раздоров, пожара)*, *жертвовать (жизнью, свободой)*, *знамение (века)*,

эпохи), *священнодействовать* ‘делать что-н. с многозначительностью, с важным видом (обычно иронически)’, *славословить* ‘неумеренно восхвалять’, *славословие*, *кадить* ‘льстить кому-л., заискивать перед кем-л.’, *бессребреник*, *христосик* (разг., ирон.) – о незлобивом, мягкотелом, отрешенном от жизни человеке; о внешне добром, скромном, тихом человеке, *иуда* (презр.) и *христопродавец* (устар.) ‘предатель, изменник’, *юродивый* ‘чудаковатый, не вполне нормальный (обычно о юноше, мужчине)’, *юродствовать* ‘совершать бессмысленные, нелепые, глупые поступки’, *тварь* – о грубом, мерзком, подлом человеке (переосмысление религиозного значения ‘человек как творение Бога, как элемент тварного мира’).

Образ, запечатленный прилагательным *расхристанный* ‘небрежно одетый’, в интерпретациях носителей литературного языка соотносится с образами Христа и креста: грудь нараспашку – виден крест; как Христос, снятый с креста. С ним связываются разные смыслы (вторичные образы), которые актуализируются в сочетаниях со словами различной семантики: *расхристанные торбас’а* (диал. ‘сапоги, сшитые из меха’), *ботинки*, *туфли*; *расхристанная мебель*; *расхристанная проза*; *расхристанная площадь* (митингующие на площади люди); *расхристанные ученики* (слишком свободные в выражении своих мнений) и др.

Слово *допотопный* (*животные, леса*) (прототипический образ, как известно, восходит к библейскому мотиву о Всемирном потопе, которым Бог наказал людей) «возникло в русском книжном языке XVIII в.», когда еще существовала тесная связь между богословием и русской наукой, и употреблялось до 30 – 40-х гг. XIX в. как термин. Его вторичное (актуальное сейчас) значение с остро-ироническим оттенком (в современной терминологии, *коннотацией*) ‘устарелый, отсталый до крайнего предела; архаически-старомодный’ впервые употребил Ап. Григорьев (см. об этом [Виноградов, 1994, с. 147-148]).

Относящийся к данному источнику лексический материал дает «Словарь православной церковной культуры» Г.Н. Складневской [Складневская, 2000]. Например: *диссидент* ‘в советское время: тот, кто не разделял коммунистической идеологии, противостоял существующему режиму и подвергался за это преследованиям и репрессиям’ – первоначально «верующий, отступающий от официального религиозного учения или не подчиняющийся церковной дисциплине» [Там же, с. 81]; *фарисей* ‘лицемер, ханжа’ – *фарисеи* «члены религиозно-политического течения (партии, секты) в Иудее (II в. до Р.Х. – II в. после Р.Х.), приверженцы традиции, основанной на толковании Закона Моисея, проповедовавшие строгое, педантичное соблюдение религиозной обрядности, отличавшиеся лицемерным благочестием и фанатизмом; противники и оппоненты Иисуса Христа» [Там же, с. 253]; *фарисейский* ‘лицемерный’ – первоначально «относящийся к фарисею, фарисеям» [Там же] и др.

К этому же источнику относятся и образы, запечатленные в следующих номинациях: *пустозвон* ‘то же, что *болтун*’ – исходный образ ‘пономарь, который по велению подвыпившего священника звонил по праздникам в колокола без надобности, «для прилику»’ [Максимов, 1994, с. 171–172]; *лоботряс* – по одной из версий, первоначально ‘истово молящийся в церкви человек’; *откад’иться* ‘отделаться’ – исходный образ ‘вести себя подобно попу или другому служителю культа, формально относящемуся к своим обязанностям’ (пример Т.В. Матвеевой [Матвеева, 1979, с. 118]).

В дискурсе носителей говоров НСО старшего возраста нам встретились слово *молитва* в значениях: ‘обещание’ («*После войны мы работали за палочки [трудодни] / денег не давали / начальники одни молитвы давали / молитвами сыт не будешь*»), ‘общественная молва, толки о чем-либо’ с негативной оценкой («*Чего эти молитвы-то распускать по всему свету?*») – и словосочетание *прочитать в’отчу* (трансформация выражения *Отче наш*) ‘наругать, отчитать кого-н. за что-

н.' («Я вот вам *зас* прочитаю *вотчу* / чтоб не *повадно* было *ребя́тёнка* *забиж`ать!*», «Прочитать *вотчу* / ну это всё *рамно* что *отругать* / больше *робятишкам* так говорили / *када* они *чѣ* плохо *делали*»). Подобные представления могли возникнуть, конечно, в советское время, когда народ был отлучен от церкви.

В современном литературном дискурсе чрезвычайно активными являются номинации *рай* и *ад* (антонимические в большинстве своих смыслов), ставшие профессиональными символами и социолектными метафорами. Подробное лексикографическое описание этих номинаций выполнено О.Н. Лагута (Алёшиной) [Лагута, 2003, с. 154–159].

Таким образом, связанные с религией образы и мотивы также явились активным источником для создания вторичных образов и, соответственно, образных номинаций экспрессивного лексического фонда русского языка.

3. Элементы народной культуры, бытовых традиций. К таковым относятся, например, диалектные слова *простоволо́сая* и *простоволоска* 'с непокрытой головой (о замужней женщине)', *ходить (быть) простоволо́сой* (неодобр., пренебр.), *опростоволо́ситься* '(о замужней женщине) снять головной убор или платок и тем самым стать объектом упреков, пересудов, насмешек со стороны близких, соседей'. Они связаны со свадебным обрядом, в котором воплощались представления крестьян о морально-этических нормах. Один из этапов свадебного обряда (*окруч`ение*) состоял в том, что невесту *окруча́ли*, т. е. надевали на нее специальный головной убор (в некоторых говорах НСО он назывался *фальшонка* / *файшонка*, в других – *кичка*, *кокошник* и т. д.) или повязывали голову платком (*платом*, *косынкой* / *косинкой*) как символ того, что она становится хозяйкой в доме: быть без головного убора замужней женщине считалось предосудительным, в том числе и с гигиенической точки зрения – волосы могли попасть в пищу. Если кто-нибудь на свадьбе снимал с невесты головной убор или платок, нередко ради шутки, – это считалось нарушением традиции, осуждалось и закрепилось в семантике глагола *опростоволосить (невесту)*, т.е. поставить ее в неприятное положение, опозорить перед гостями. Ср. в древнерусском языке: *опростоволосить* 'сорвать головной убор, обнажив волосы (как бесчестье)' [СРЯ XI–XVII, 13, с. 50]. Вторичное значение глагола *опростоволоситься* – 'оказаться в неприятном, смешном положении, допустив грубую ошибку, оплошность, промах' – мотивировано в говорах, где сохраняется первичное значение, и не мотивировано в литературном языке: в нем оно не сохранилось. Также с обрядом *окружения* невесты связаны истоки образного значения глагола *окрути́ть (девушку, девку)* 'обманным путем взять или выдать замуж'. В советское время была переосмыслена номинация *сват* (см. об этом далее), тоже относящаяся к реалиям свадебного обряда: *сват* и *сватья* (мн. ч. *сватовья*) – это родители со стороны жены и мужа по отношению друг к другу.

Современное, уже не мотивированное значение глагола *подкузьмить* 'поставить кого-л. в трудное, неприятное положение, подвести' восходит к старорусской традиции: в девичий праздник «кузминки» около 1-го ноября девушка могла подпоить парня, завлечь его, а потом заставить на ней жениться, так же и парень мог «*подкузьмить*» девушку [Максимов, 1994, с. 340–341].

Первичные образы, выраженные некоторыми разговорными, просторечными и диалектными глаголами поведения, связаны с русской плясовой культурой. Так, значение 'поступать непредсказуемо, неожиданно, делать что-н. смешное, вызывая иронию, насмешки у окружающих' выражается глаголами: *выкамаривать* (и *выкаму́ривать* в говорах НСО), который первоначально имел более узкое и конкретное значение – 'выделять сложные па в «Камаринском» (русском народном танце, исполнявшемся под мелодию песни «Камаринская）」, *выкаблучивать*, *выделявать* (фигуры в пляске, танце), *выкидывать* (ноги в пляске, танце, делать сложные, замысловатые телодвижения, па), *выплясывать* (фигуры в пляске). Они

входят в синонимический ряд с глаголами *вытворять*, *отмачивать* (с парадоксальной внутренней формой), *отчубучивать* / *отчебучивать* (с затемненной внутренней формой и уникальной основой). *Выплясывать* сейчас употребляется еще в одном метафорическом значении: 'выпрашивать, добиваться чего-н.' – «*Наш ректор опять выплясывал в министерстве деньги на строительство здания*» (из разг. речи). Ассоциации с пляской передают также ФЕ *плясать под (чужую) дудку*, существительные *дуропляс* 'недалекий человек, не любящий трудиться; бездельник' (в говорах НСО), *свистопляска*. О последнем слове нужно сказать особо.

Свистопляска – 'безудержное, разнузданное проявление чего-л. отрицательного', 'неразбериха в чем-л., беспорядок'. По В. Далю, это слово в вятских говорах обозначало «тризну по убитым ошибкою вятчанами устюжанам (в XIV в.), пришедшим на помощь и принятым за неприятелей...; в этот день (четвертая суббота от Пасхи) свищут в глиняные уточки и дудочки, на овраге, у часовни... // *Свистопляс*, разгульный тунейд, шатун» [ТСД, IV, с. 151]. Следовательно, в семантике слова *свистопляска* отражены не сохранившаяся в сознании современных носителей русского языка очень далекая историческая ассоциация и позднее появившаяся на ее основе другая ассоциация, связанная с конкретной народно-региональной культурной традицией. Как и в других подобных случаях, метафоризация этого слова связана с расширением значения. (История слова *свистопляска* с опорой на материал словаря В. Даля изложена В.В. Виноградовым [1994, с. 627-631].)

4. Представления о трудовых процессах и связанных с ними реалиях. В конце XIX в. М.М. Покровский заметил, что в семантике экспрессивных слов отражается профессиональная специфика человека: так, о пьяном лакее говорят *нализался*, о слуге в трактире – *налимонился*, о сапожнике – *настукался* и *насандалился*, о скрипаче – *наканифолился*, о солдате – *принял* [Покровский, 1959].

Представления о трудовых процессах, реалиях, связанных с традиционными видами труда и профессиональной деятельностью, явились исходной базой для многих образных слов литературно-разговорного и диалектно-просторечного употребления. Так, в значениях глаголов *шерстить* и *костерить* 'сильно ругать, отчитывать кого-н.' лежат народные представления, связанные с обработкой шерсти (*шерстить*) и льна (*костерить* 'выбирать, вычесывать из льняного волокна *костру* – жесткую кожицу льна и коноплю'): в интерпретациях диалектоносителей, эта тяжелая физическая работа нередко сопровождалась ругательствами и проклятиями, что могло послужить источником метафоризации. Более конкретный образ 'перебирать / перебрать вещи, белье и т.п. в поисках чего-л.', выраженный глаголами *шерстить* и *перешерстить*, возник на основе прямой ассоциации с процессом 'перебирать шерсть или коноплю'. Конкретное представление о сельскохозяйственном процессе *ворошить* / *разворошить* (сено) послужило исходной базой для возникновения метафор *ворошить* (воспоминания), *разворошить* 'растревожить, разбередить' (*душу, сердце*). Несколько вторичных образов связано с представлением о процессе *молотить*: 1) 'выбивать зерна из колосьев; обрабатывать зерно с помощью молотила' (СВ *намолотить* 'обработать зерно в большом количестве' и 'завершить обмолот'; *намолотиться* 'выполнить большой объем работы, устать от молотьбы'), 2) перен. 'бить, наносить удары кому-н.' (СВ *измолотить* 'избить'), 3) перен. 'есть с аппетитом, быстро' (СВ *смолотить*, *намолотиться*), 4) перен. 'говорить много о чем-л. несущественном, малозначащем, чепуху, вздор' (СВ *намолотить* (*всякой ерунды, чепухи*), *намолотиться*).

Представление 'присваивать себе чужое; отнимать, похищать', выраженное глаголом *грабить* (СВ *ограбить*), возникло на основе исходного образа 'собирать сено граблями'. Соответствующее значение, известное в древнерусском языке [СРЯ XI-XVII, 4, с. 112-113], уже не фиксируют современные толковые словари

литературного языка (например, БАС-2 и др.), но оно входит в активный дискурс диалектоносителей НСО: «*Раньше я и сено грабила / щас уж грабли не могу держать / а раньше-то грабливала*». В этом же значении: *грабить* – в Пермской обл. [Акч., 1, с. 217]; *гр`абить, гр`абать, гр`абсти, гр`абнуть, грабн`уть*, а также многочисленные дериваты: *граб`ель* ‘сгребание сена’, *гр`абель, граб`ель, грабёлки* ‘ручные или конные грабли’ и т. д. – в разных регионах России [СРНГ, 7, с. 103-107].

В говорах НСО ЛСВ диал. глагола *закудэливать* ‘быстро бежать, делая зигзаги и вызывая иронию у окружающих’ – семантическая метафора от *закудэливать* ‘быстро прясть, т. е. скручивать в нить *кудель* (пучок волокна шерсти, льна)’, а *искудэлить* ‘сильно избить кого-л.’ – от первичного ЛСВ ‘завершить переработку кудели, скрутить кудель в нить’; ср.: в зап. говорах *закуделил* ‘затеять ссору, брань’. – «*В Польше опять закуделилось – пошла кутерьма*» [ТСД, I, с. 593]). Аналогичные ассоциации отражены в значении синонимического глагола *измочалить* – ‘превратить что-л. в мочало от частого употребления (веник, щетку, тряпку)’, перен. ‘избить кого-н.’.

Семантика глаголов-синонимов *околачиваться* и *ошиваться* ‘ходить, находиться где-н. без дела (обычно недалеко от дома, рядом с каким-л. объектом, как бы ходить по кругу)’ – результат словообразовательной метафоризации производящих глаголов *околачивать* и *ошивать* / *обишивать*, обозначающих процесс покрытия досками или каким-либо другим материалом внешней стороны строения, совершаемый как бы по кругу. Представление о круге – замкнутом пространстве отражено в значении синонимического глагола *колобродить*. В этот ряд входит ЛСВ многозначного глагола *бродить*.

В современных значениях глаголов *оболванить* / *оболванивать* ‘обмануть / обманывать кого-н.’ лежит образное переосмысление процесса ‘обтесывать чурбаны’ [Там же, II, с. 610]. Исходное значение ‘обрабатывать чурбаны’ словосочетаний *бить баклуши* и *точить балясы* было переосмыслено и закрепилось за ФЕ *бить баклуши* ‘бездельничать’ и *точить балясы* <лясы> ‘болтать, бездельничая’.

Целый ряд ЛЕ и ФЕ отражает представления о коне – лошади, конской сбруе, действиях, связанных с конем – лошадью. О значимости коня и лошади в жизни русского народа, об их различии (ср. *боевой конь, конь-огонь, но рабочая лошадь, темная лошадка*) писали многие исследователи. Мы не будем касаться интересной самой по себе темы о соотношении образов коня и лошади в русской КМ, о концепте ‘*конь – лошадь*’ – она может быть предметом отдельного исследования, если для этой цели использовать различные источники. Сейчас нас интересуют только те языковые образы, источником которых послужили либо прямые ассоциации с образом коня – лошади, либо опосредованные.

Слово-образ *конь* чаще всего встречается во ФЕ и паремиях (*не в коня корм; (еще) конь не валялся* ‘ничего не сделано’; *коней на переправе не меняют; конь о четырех ногах, да спотыкается*); вторичное метафорическое переосмысление образа *конь* ‘шахматная фигура’ закреплено за ФЕ *ход конём* ‘о смелом, решительном, неожиданном действии’. Образ *лошади-трудяги* отражен только в диал. деривате *излошадный* ‘физически выносливый, как лошадь (о мужчине)’ в говорах НСО. Опосредованные представления запечатлены в семантике многочисленных ЛЕ, а также во ФЕ. В говорах НСО зарегистрировано несколько образных ЛЗ глагола *рассупониться*: 1) ‘снять с себя одежду’ («*Пришла домой / скорей рассупонилась / а потом уж хозяйством занялась*»), 2) ‘разозлиться, выйти из себя’ («*Свёкор бывало когда так рассупонится / что всем невесткам доставалось!*»), 3) ‘раскапризничаться (о детях)’ («*Чё-то он [грудной ребенок] у тебя сёдни рассупонился / уж не захворал ли?*»). Все они – словообразовательные метафоры от *рассупонить* ‘снять супонь (часть конской сбруи) с коня’ («*Я ещё мальчонкой был*

/ а уж отцу во всю помогал // Приедет он с поля / я коня рассупоню» (ср.: «Супонь рассупонила» [ТСД, IV, с. 361]): как конь освобождается от стягивающего шею ремня, когда его рассупонивают, так и человек освобождает себя от одежды (ассоциация 'одежда < супонь'), от определенных морально-этических запретов, как бы выходя из себя, давая волю своим эмоциям, чувствам, «выпуская пар» – подобные интерпретации дают диалектоносители. Аналогичный образ освобождения от морально-этических запретов через образ освобождения от одежды передает еще один диал. глагол в говорах НСО: *размунд'ериться* 'снять одежду (первоначально – мундир)' > перен. 'выйти из себя, дать волю чувствам'. К денотативной сфере эмоциональных состояний относятся семантические метафоры *разнузданный* ('человек < конь'), *обуздать эмоции* < *обуздать коня*, а также ФЕ *закусить удила*, *вожжа < илея> под хвост попала*. К денотативной сфере социальных отношений относятся семантические дериваты-метафоры на основе прямых значений слов: *оседлать* 'полностью подчинить себе кого-л.', *брыкаться* 'активно сопротивляться, упрямиться'; словообразовательные дериваты-метафоры: *отбрыкаться* 'сопротивляясь, отказаться от какого-л. поручения, дела', *вожжаться* 'длительно заниматься, возиться с кем-н., вызывая недовольство окружающих', *гужевать* и *гужеваться* 'веселиться, гулять', а также ФЕ *прибрать вожжи к рукам* и *держат вожжи в руках* 'сосредоточить в своих руках власть, руководство' и др.; условно к этой сфере можно отнести ФЕ *идти <следовать> з'ужем* / *гужом* 'друг за другом'. Ряд запечатленных в ЛЕ и ФЕ образов соотносится с представлением о хомуте, связанной с конем реалии: *хомут* 'тягостная обуза, бремя'; в говорах НСО *нахомутать* 'сильно закутать голову или обвязать шею толстым платком, шарфом, шалью (такой тюрбан напоминает хомут, возвышается, как будто хомут, над головой) и 'напрасно обвинить кого-н. в чем-л., наклеветать'; *нахомутл'ять* 'сшить что-н. руками кое-как, не стараясь, большими стежками (как шьют хомут)' и 'написать что-либо на бумаге небрежно, кое-как'; *захомутать* 'женить на себе парня (о девушке или ее родителях)', ФЕ *надеть / надевать хомут на шею* 'взять на себя заботу о ком-либо'.

Как видим, все вторичные образом, «порожденные» на основе представлений, связанных со сферой трудовых процессов и относящихся к ним реалий, репрезентируют знания о различных фрагментах сферы «человек». В общерусской КМ образ 'конь – лошадь', несомненно, является концептом, концентрирующим такие представления. Здесь продемонстрирована только небольшая часть этого концепта.

Данный источник довольно активный в КМ русских, мы привели только некоторую часть образных слов.

5. Исторические ассоциации. В образных ЛЕ отражаются представления о реальных фактах, событиях российской истории. Такие слова сохраняют историческую память о прошлом.

Слова *подлинный* (документ, факт, источник) и *подноготная* 'скрываемые обстоятельства, подробности жизни' в прошлом обозначали способы пытки, дознания затаенной, настоящей правды, действовавшие по Уложению царя Алексея Михайловича и по древним судебным обычаям. Они подробно описаны С. Максимовым [1994, с. 78–81] и кратко, но емко М. Осоргиным в романе «Сивцев вражек»: «Правда первая – подлинная. Жила эта правда на Житном дворе, у Калужских ворот, в Сыском приказе. На правее *запечный мастер* пытал ее под линьками и под *длинниками*, подтянув нагого человека на дыбу. У стола приказный дяк гусиным пером низал строку на строку. Вторая правда – *подноготная*: кисть руки закрепляли в хомут, пальцы в клещи, а *под ногти* заклепывали деревянные колышки. "Не сказал правды *подлинной* – скажешь *подноготную*"» (курсив наш – Н.Л.) [Осоргин, 1992, с. 156]. Приведенная цитата проясняет внутренние формы слова *подноготная*, в котором и сейчас сохраняется прототипиче-

ский образ «(добывать) как бы *из-под ногтя*», слова *подлинная (правда)*, которое в современном языке уже не мотивировано, и фразеологизма *заплечных дел мастер*. Приведенные примеры подтверждают следующее утверждение К. Юнга: «образы содержат в себе не только все самое прекрасное и великое, что когда-либо мыслило и чувствовало человечество, но также все те гнуснейшие подлости и дьявольское варварство, на которые только было способно человечество» [Юнг, 1994, с. 111].

В семантике глагола *отбояриться* ‘отказаться от выполнения данного кому-н. обещания, чьей-л. просьбы’ запечатлены сейчас уже стертые ассоциации, связанные с отношениями между Иваном Грозным и боярами: не всегда царь выполнял данные докучливым боярам обещания. Глагол приобрел более широкий смысл и входит в синонимический ряд глаголов с общими морфемами *от-* и *-ся*: *отказаться* – *отговориться* – *отделаться* – *отгородиться* – *отвертеться* – *отбрыкаться* – *отбрехаться*. Эти ЛЕ употребляются в речи с различными негативными оценками.

В семантике глаголов *объегорить* и *объегоривать* запечатлен мотив обмана, связанный с известными в прошлом фактами. Нередкими бывали случаи, когда даже у хорошего хозяина сена для домашнего скота хватало только до Егория. Егорьев день – праздник, посвященный Георгию Победоносцу, который у всех славянских народов считался покровителем скота; он отмечается дважды в год: 23-го апреля и 26-го ноября [Капица, 2001, с. 148-149]. Первый назывался голодным, второй – холодным. Весной крестьяне вынуждены были брать сено в долг. Доверчивых крестьян ловко обманывали (*объегоривали*) маклаки и мироеды, «налагали на них “тяжелые путы”...», обещая за работу плату не летней страдой..., а именно этого егорьевского безвременья» [Максимов, 1994, с. 341]. Нередко крестьяне сами *объегоривали* хозяина, сбегая с работ [Там же, с. 342]. Утратив первоначальное значение ‘безжалостно и нагло обобрать, лишить продовольствия, запасов пищи для людей и домашнего скота’, глагол *объегорить* сохранился в более широком значении как яркое экспрессивное средство и входит в лексико-семантическую группу образных номинаций с ядерным глаголом *обмануть* (кого-нибудь): *нагреть* – *надуть* – *обобрать* (ФЕ *обобрать до нитки*) – *обвести* (ФЕ *обвести вокруг пальца*) – *обдурить* – *обдуть* – *обжулить* – *облапошить* – *обмишулить* / *обмишурить* – *обойти* – *обокрасть* – *оболванить* – *обстрипать* (*дельце*) – *обтяпать* (*дело*) – *ограбить* – *окрутить* – *оттяпать* – *обчистить*, *прикарманить* – *провести* и др. Аналогичную группу составляют почти все глаголы НСВ, но в реальной речи некоторые из них употребляются значительно реже, чем глаголы СВ.

В семантике глагола *очуметь* (*от угара, долгих занятий, головной боли*) отражено представление о реальном событии – московской чуме 1771 г., и, следовательно, первичное, не сохранившееся, значение было ‘заболеть чумой’ [Там же, с. 116–117].

Исторические ассоциации запечатлены в семантике диалектного глагола *размамáить* (*церкви, школы*) ‘сломать, разрушить, уничтожить; разбросать вещи’. В НСО диалектоносители соотносят этот образ с представлением о монголо-татарском нашествии: «*Размамáили всё* (в деревне) / *ровно мамай прошел*»; «*Все церкви размамаили / понарушили*»; «*Ребятишки опять всё размамаили / нет на них напасти*». ФЕ *словно мамай прошел* иногда встречается в речи носителей литературного языка: «*В нашей лаборатории ничего не осталось / словно мамай прошёл / а на новые приборы денег нет*».

Во фразеологизме (*рассказать, наговорить*) *семь <сорок> бочек арестантов* ‘очень много, преувеличив, прихвастнув’ («*Да не слушайте вы его! / Нарасскажет он вам семь бочек арестантов*») запечатлены представления об имевших место в прошлом случаях, когда бежавшие с каторги каторжане переправлялись

через Байкал в бочках, в которых рыбаки хранили, солили рыбу. Мотив корабля-бочки присутствует в известной, ставшей народной песне: «*Славное море – священный Байкал, / Славный корабль – омулёвая бочка. / Эй, баргузин, пошевеливай вал! / Молодцу плыть недалечко*» (слово *баргузин* ‘северо-восточный ветер’ заимствовано русскими говорами из бурятского языка). Прототипический образ данного фразеологизма, конечно, уже не осознаётся диалектоносителями, но ФЕ употребляется в разных говорах Сибири, особенно забайкальских, встречается и в литературном дискурсе.

Исторические ассоциации отражаются в семантике существительных с суффиксом *-щин(а)*, легко образующихся от названий исторических событий, фамилий деятелей, связанных с российской историей: *белогвардейщина, аракчеевщина, петлюровщина, столыпинщина, ежовщина, сталинщина, хрущёвщина, брежневщина, горбачёвщина, ельцинщина* и др.

6. Фольклорные и сказочные образы и мотивы. Образы фольклорных исконно русских и сказочных (авторских), русских и иноязычных, персонажей часто используются в современных текстах различных жанров, в разговорной и диалектной речи: *Иван-царевич, Кощей, Баба-яга, Василиса-премудрая, лягушка-путешественница, кикимора, Дюймовочка, Красная шапочка, Золушка, папа Карло* и др. Они находятся на поверхностном уровне нашего сознания, являются простыми, т.е. легко расшифровываются носителями языка, знакомыми с соответствующими произведениями. Однако в лексике русского языка можно найти слова, в которых исходный образ скрыт в глубине семантики слова, в содержании произведения, в ассоциативных связях слова, которые уже не являются актуальными для современного носителя языка.

Так, современное значение глагола *огорошить* ‘сильно удивить’ – результат метафоризации первичного значения ‘сильно ударить’, в котором отражена фольклорная аллюзия: в «Сказке о Василисе, золотой косе, непокрытой красе, и об Иване-Горохе» главный персонаж, Иван *Горох*, в поединке со Змеем пустил в него посох «и так *огорошил*, что Змея в куски разорвал, разметал, а посох землю пробил» [Сказки снова с нами, 1993, с. 144]. Ассоциативные связи современных носителей языка, к компетенции которых мы обращались, иные: кинуть в человека *горох (горохом)* – можно *огорошить* его, т.е. удивить от неожиданности. Близкие ассоциации демонстрируют и другие цепочки слов: *шело* > *ошеломить*-1 ‘ударить воина по шлему’ > перен. *ошеломить*-2 ‘сильно удивить, поразить кого-н.’; в говорах НСО: *шаб’ур* ‘традиционная одежда русского крестьянина, типа пальто или полупальто, сшитая из грубой самодельной ткани’ (устар.) > *ошаб’урить*-1 ‘ударить кого-л. по шабуру или шабуром’ > перен. *ошабурить*-2 ‘удивить или озадачить кого-н.’ Во всех примерах вторичная метафоризация связана с расширением значения глагола.

В глаголе *прищучить* ‘поймать, захватить кого-н.’ и ‘строго спросить с кого-н.; наказать кого-н.’ просматривается связь с мотивом другой русской народной сказки – «По щучьему велению». Щука как персонаж сказки выбрана, видимо, неслучайно. Известно, что в славянской языческой мифологии нечистая сила могла принимать зооморфный облик. Образ рыбы, с одной стороны, нередко отождествлялся с деревом как символом Вселенной [Маковский, 1996, с. 286], с другой – рыбы принадлежали к нижнему миру, были связаны с душами умерших. Связь с нечистой силой приписывалась щуке [Максимов, 1981], что отразилось в народном поверье: «*Если щука плеснет хвостом перед рыбаком, то ему недолго жить*». По Далю, *щукой* называли и лукавого, пронырливого человека [ТСД, IV, с. 658]. Следовательно, можно предположить, что в образе сказочной щуки скрыт, завуалирован образ нечистой силы, которую покори́л, подчинил своим желаниям, своей власти, т.е. *прищучил*, главный персонаж сказки. Мотив обмана, плутовства связывает созвучные слова *щука* и *щурёнок* ‘то же, что *щука*’, в говорах НСО со-

бирательное *щурята*. Ср.: корень *-щур-* – в словах *щурить (глаза)* ‘сжимая веки, прикрывать глаза, притворяться (подчеркнуто нами – Н. Л.), будто не видишь’, *прищурить(-ся)*, *прищур*, диал. *щур* ‘хитрец, плут’, перен. ‘то же, что *щучка*’ [КЭСРЯ, с. 520], ‘лукавый, плут вор’ [ТСД, IV, с. 659].

7. Литературные аллюзии. Образы известных литературных персонажей запечатлены в семантике метафорических ЛСВ соответствующих слов: *донжуан*, *донкихот*, *обломов*, *манилов*, *плюшкин*, *хлестаков* и т.д., а также *мертвые души*, *живой труп* и т.п. – и их словообразовательных дериватов: *донжуанский*, *донжуанство*, *донжуанствовать*, *донкихотский*, *донкихотство*, *донкихотствовать*, *обломовщина*, *маниловщина*, *хлестаковщина*, *головлёвщина*, *карамазовщина*, *базаровщина* и др. Этот источник, конечно, актуален для литературного языка и не актуален для диалектных систем.

8. Прототипические звуковые ассоциации. Звуко-образы – один из активных когнитивных источников экспрессивных номинаций. Так, с образом звучания ‘свист’ связаны следующие смыслы: а) ‘вытекать (о жидкости)’ – *вода так и свистит (свистнула) из крана*; б) ‘ударить’ – *свистнуть (свистануть) по уху*, «*Я сейчас тебя как свистну!*»; в) ‘обманывать’ – *свистеть*, СВ *насвистеть*, диал. ‘тот, кто обманывает’ – *свистун*; г) ‘украсть’ – *свистнуть / свиснуть*; д) ‘убежать, уехать’ – *усвистеть*; е) ‘праздность, безделье, тунеядство’ – разг. *свистун* ‘пустой человек, прожигатель жизни; бездельник, тунеядец’, *свистопляска*; ж) ‘запахаться’ – диал. *усвистать (платье)*. Образ звучания ‘свирь’ представлен в семантике слова *свирель* и диал. *свире(и)стеть* ‘звонко говорить, кричать, шуметь, озорничать (о ребенке)’ и ‘сплетничать’, *свире(и)стёлка / свире(и)стёлка* ‘бойкая, озорная (о девочке)’ и ‘сплетница’. С образами звучания связаны представления о беспечной трате большой суммы денег: *просвистеть*, *в карманах свистит*, ФЕ (осталось) *денег на полсвиста*, *фукать*, *фукнуть*, *профукать*, *остался один пищик*, *распищался (деньгами)* и др. Образ ‘щелк’ запечатлен в номинациях с корнем *-щелк-/-щёлк-* (ср. *щелкать*, разг. *щёлкать семечки* и *щёлкнуть по щеке*, *щелчок* и др.), а также в диал. метафорических ЛЗ ‘говорить быстро, бойко, задиристо’ – *выщёлкивать*, ‘одеться чересчур модно, слишком нарядно или безвкусно’ – *выщёлкнуться* (в говорах НСО, Среднего Урала [СРГСУ, I, с. 108]).

Общеизвестно, что зоо-вокализмы (термин О.Н. Лагута) широко используются как образные характеристики процесса говорения человека и других его действий: *рычать*, *мычать*, *шипеть*, *кудахтать*, *раскудахтаться*, *огрызаться* и др. Широкую денотативную сферу метафоризации имеют и другие, самые разнообразные, звуковые образы (см. подробнее об этом [Мишанкина, 2002]).

Кроме названных источников, можно выделить и другие, например: анатомические образы – образы частей тела человека и животных (в ЯКМ – *соматизмы*), зоологические (в ЯКМ – *зоонимы*), ботанические – образы деревьев, растений, цветов, мхов (в ЯКМ – *ботаникосемизмы*), образы конкретных предметов (в ЯКМ – *прагматонимы*) и т.п. Все эти сферы в большей или меньшей степени уже описаны. На наш взгляд, представляют интерес отдельные образы каждой такой сферы, которые можно рассматривать как концепты, некоторые из них уже описаны, например, концепт ‘дом’, ‘дерево’ и др. Еще в начале 70-е гг. XX в. подобные исследования проводились М.И. Черемисиной и руководимым ею коллективом на материале зоо-образов. В частности, был подробно исследован и описан русский образ ‘петух’ на материале словарей, определений к слову *петух*, анализа контекстов с этим словом, психолингвистических экспериментов; были выявлены поверхностные и глубинные смыслы, связанные с этим образом [Черемисина, Захарова, 1973; Черемисина, Соппа, 1973]. Это были первые опыты исследования в русле когнитивной семантики, хотя в то время еще не существовало ни этого направления, ни соответствующей терминологии.

Таким образом, обнаруживается немало когнитивных источников, т.е. исход-

ных, первоначальных представлений и образов, на основе которых создавался образный общенациональный лексический фонд русского языка. Они частично пересекаются с источниками культурно значимой интерпретации фразеологизмов, выявленными В.Н. Телия и другими фразеологами, в частности, с такими, как ритуальные формы народной культуры, поверья, мифы, христианство, интеллектуальное достояние нации: осмысление истории, литературы [Телия, 1996, с. 239–253]. Несомненно, общим источником образной лексики и фразеологии являются зоологические образы: прямые, закрепленные в семантических дериватах, и опосредованные, закрепленные в словообразовательных дериватах. Их переосмысление связано с наделением человека зоонимическими свойствами или интерпретацией поведения человека через призму поведения животных, например: ЛЕ – *ворона, обезьяна, попугай, змея, оцетиниться, оцетиться, лаяться, собачиться, лисить, свинячить, каркать, обезьянничать, попугайничать* и т.д.; ФЕ – *волчья хватка, волчий закон, не твое собачье дело, медвежья услуга, сукин сын, согнуть в бараний рог* и др. Но отдельные источники более актуальны для фразеологии: языческие и религиозные представления, фольклорные произведения, исторические аллюзии.

Заметим, что русский фразеологический фонд в значительно большей степени, чем лексический, сохраняет прототипические образы. Так, толковые и фразеологические словари фиксируют десятки ФЕ с компонентами *черт, дьявол, хвост, рог*. И это, видимо, неслучайно: фразеология более консервативный уровень языка по сравнению с лексикой, ФЕ «обслуживают» сферу эмоционально-психической деятельности сознания, поэтому образность и экспрессивность являются их обязательными свойствами, которые обеспечивают значимость ФЕ в системе языка и в речевой деятельности говорящих. Как отмечает В.Г. Гак, «ни в одном разделе языкознания связь языковых форм с мышлением и одновременно с культурой и историей народа не проявляется так ярко и наглядно, как во фразеологии» [Гак, 1988, с. 159].

Несомненно, что одним из самых активных форм сохранения культуры являются пословицы. Но они служат источником фразеологии, а не лексики.

В советское время появились новые языковые образы, отражающие представления о реалиях, событиях и деятелях советской эпохи: *раскулачить / раскулачивать, кружок, кружковщина, групповщина, загнивать* – о капитализме, *создатель* – о Ленине (идеологическое переосмысление религиозного значения); мотив насилия, агрессии отражен в идеологемах *борьба, бороться, разгромить, сокрушить, уничтожить (врага), догнать и перегнать (Америку), социалистический лагерь* и т.п. (см. подробнее об этом в работах Н.А. Купиной [Купина, 1995] и Э.В. Васильевой [Васильева, 2000]). Появились новые слова-образы в диалектных системах. Например в говорах НСО: метафоры *сватать (в колхоз), сват* ‘тот, кто агитировал, призывал вступить в колхоз’, заменявшие в речи диалектоносителей менее понятные им слова *агитировать* и *агитатор*, выражения *красный сват* ‘тот, кто участвовал в раскулачивании крестьян’, *красный обоз* ‘обоз, организуемый крестьянами для сдачи хлеба на государственные пункты по твердым ценам’, глагол *кулачить* – синоним общерусского глагола *раскулачивать*, лексикализованная метафорическая форма *палочки* ‘заработанные крестьянами трудовые, которые обычно не оплачивались’ (отсюда выражение *работать за палочки* ‘не получать денег за свой труд’), *колхоз* – о шумной компании детей или взрослых; семантические метафоры из сферы спортивной терминологии – *рекордный (надой молока, корова), рекордная девка* ‘устанавливающая рекорды по надоям молока’ и более широкое перен. значение ‘очень хорошая, замечательная во всех отношениях: ловкая, умелая, хозяйственная, соответствующая всем морально-этическим нормам деревенского жителя’, *рекордсменка* – о корове, дающей рекордные надой молока; словообразовательная метафора *лобогрейка* ‘сиденье на тракторе’

(«Тракторист сидит на тракторе целый день и лоб греет» – управление трактором ассоциировалось с легким трудом, поэтому слово первоначально употреблялось с иронией); *халатничать* ‘недобросовестно относиться к своим обязанностям, работе’, *стиляжничать* ‘бездельничать’, *проходяга* ‘мужчина, часто меняющий место работы’, *зарублять* ‘получать много денег за работу; наживаться на чем-л.’, *казарма* – о плохом помещении для скота, *шрапнель* – о детях, *чердак* – о голове; синонимы *лётчики* – *грачи* – *подснежники* – о рабочих приезжающих в Сибирь из Средней Азии на сезонные строительные работы; синонимы *радио* / *радиво* – *телефон* и *сарафанное радио* – *тряпошный телефон* – о женщинах-сплетницах и др.

С позиций демократии в постсоветское время переосмыслены реалии советской действительности, в результате появились новые образные номинации: *совдепия* (*Советы депутатов (трудящихся)*), *ГУЛАГ*, *хрущобы* (ассоциации с Хрущевым и трущобами), *железный занавес*, *сталинский режим*, *хрущевская оттепель*, *брежневский застой*, *горбачевская перестройка*, *хрущевщина*, *шестидесятник* (чаще употребляется форма мн. ч.), *брежневщина* и др.

В российской языковой ситуации 90-х гг. XX – начала XXI в. также появилось много новых слов-образов, отражающих реалии этого времени и выражающих негативные оценки, например: номинации *прихватизация* и *приветизация*, выражавшие иронию по отношению к приватизации; *ГКЧП* (Государственный комитет по чрезвычайному положению) и *гэкаписты* (организаторы захвата власти 19-21 августа 1991 г.), в которых есть явная связь (намек) с советскими *ЧК* и *чекистами*; *зюгановцы*, *жириновцы*, *лимоновцы*; *финансовая пирамида*, *прокрутить* ‘незаконно использовать чьи-л. деньги для получения прибыли’, *шоко-терапия*, *челнок* ‘мелкий торговец, ввозящий товар из-за рубежа или из другого города и вывозящий его за границу или в другой город с последующей реализацией на местных рынках’, *корзина* (*потребительская корзина*), *крутой* ‘производящий сильное впечатление, неординарный’ и ‘проявляющий особую жестокость в своих действиях, поведении; демонстрирующий свою физическую силу или большое влияние’, *крыша* ‘то, что или кто защищает, охраняет от опасности’, *крышевать*; *БОМЖ*, *бомж*, *бомжевать*; образы известных телепроектов 2002-2003 гг.: *зазеркалье*, *зазеркальщики* – литературная аллюзия, *застеколье*, *застекольщики*; *фабрика звезд* – ассоциация с объединением «*Фабрика экспериментального кино*», образованным в конце 20-х гг.; *последний герой*, *дом*, *голод*, *голодающие* и др.; жаргонное *отморозок* / *отморозки* – о террористах, безжалостных убийцах, лишенных каких-л. нравственных ценностей, человеческих чувств, сострадания к людям (это слово особенно часто употреблялось в дни трагических событий в Москве в связи с захватом заложников во Дворце культуры «Норд-Ост» 23-го октября 2002 г.) и др. Многие из них быстро исчезают из речевого обихода, например, приведенные выше названия телепроектов, номинации, связанные с приватизацией и др.

В современной номинативной деятельности говорящих активными источниками вторичных номинаций являются такие сферы, как медицина (об этом написано много работ), секс [Лапшина, 1996; Чудинов, 2001] и другие. У каждой эпохи свои образы, свои языковые вкусы и пристрастия.

Литература

- Акч. – Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь) / Гл. ред. Ф.Л. Скитова. Пермь, 1984-1995. Вып. I.
Бабкин А.М. Русская фразеология, ее развитие и источники / Отв. ред. В.В. Виноградов. Л., 1970.

- Васильева Э.В. Человек в мире ГУЛАГа и ГУЛАГ в мире человека (через призму метафоры) // Актуальные проблемы русистики. Томск, 2000. С. 20-25.
- Виноградов В.В. История слов: Около 1 500 слов и выражений и более 5 000 слов, с ними связанных / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., 1994.
- Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова // Избранные труды: Лексикология и лексикография. М., 1977.
- Гак В.Г. Фразеология, образность и культура: (О новейших фразеологических словарях французского языка) // Советская лексикография. М., 1988. С. 159-169.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры: В 2 ч. Ч. 2: Семантический словарь общеиндоевропейского языка. Тбилиси, 1984.
- Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1984.
- Капица Ф.С. Славянские традиционные верования, праздники и ритуалы: Справочник. 3-е изд. М., 2001.
- Кузнецова В.С. О царе Ироде и о лихорадках-трясавицах: фольклорные версии библейского сюжета в заговоре и легенде (русские сибирские записи) // Сибирский филологический журнал. 2003. № 2. С. 5-12.
- Купина Н.А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь, 1995.
- КЭСРЯ – Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М., 1971.
- Лагута О.Н. Метафорология: теоретические аспекты: В 2 ч. Ч. 2. Новосибирск, 2003.
- Лапшина М.Н. Антифеминизмы в языке (на материале семантических сдвигов в значении английских слов) // Вестник СПб. Ун-та. Сер. 2. История, языкознание, литературоведение. 1996. № 2. С. 59-65.
- Лукьянова Н. А. Слова с простыми и сложными образами // Лексическая и грамматическая семантика. Новосибирск, 2004.
- Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М., 1996.
- Максимов, 1994 – Крылатые слова по толкованию С. Максимова. Н. Новгород, 1994 (воспроизведение 2-го изд. СПб., 1899).
- Максимов С.В. Избранное. М., 1981.
- Матвеева Т.В. Парадоксальная внутренняя форма как средство экспрессивности (на материале диалектных глаголов) // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1979. Вып. VIII. С. 117-123.
- Мишанкина Н.А. Феномен звучания в русской языковой картине мира: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2002.
- Осоргин М. Сивцев вражек // Осоргин М. Времена: Романы и автобиографическое повествование. Екатеринбург, 1992.
- Покровский М.М. Семасиологические исследования в области древних языков // Покровский М.М. Избранные работы по языкознанию. М., 1959. С. 19-50.
- Сказки снова с нами: Русские народные сказки. Харьков, 1993. С. 138-145.
- Скляревская Г.Н. Словарь православной церковной культуры. СПб., 2000.
- СРГС – Словарь русских говоров Сибири: В 4 т. / Сост. Н.Т. Бухарева, А.И. Федоров; Под ред. А.И. Федорова. Новосибирск: Наука, 2002. Т. 3.
- СРГСЗ – Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья / Т.Б. Юмсунова, А.П. Майоров, Н.А. Дарбанова и др.; Под ред. Т.Б. Юмсуновой. Новосибирск, 1999.
- СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала: Учеб. пособие / Гл. ред. А.К. Матвеев. Свердловск, 1964. Т. I. 1983. Т. IV.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Соро-

колетов. М.; Л.; СПб., 1965-2002. Вып. 1-37.

СРЯ XI-XVII – Словарь русского языка XI-XVII вв. / Гл. ред. Д.Н. Шмелев. М., 1987. Вып. 13.

ССРЯ – Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. М., 1985. Т. II.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Опыт исследования. М., 1997.

СФРГС – Словарь фразеологизмов и иных устойчивых словосочетаний русских говоров Сибири / Сост. Н.Т. Бухарева, А.И. Федоров; Под ред. Ф.П. Филина. Новосибирск, 1972.

Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.

ТСД – Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1978-1980. Т. I-IV.

Федоров А.И. Лексико-фразеологические системные и синонимические связи в русском литературном языке XVIII – начала XIX вв. // Синонимия в языке и речи. Новосибирск, 1970. С. 93-106.

Хроленко А.Т. Лингвокультуроведение: Пособие к спецкурсу по проблеме «Язык и культура». Курск, 2000.

Черемисина М.И., Захарова А.В. О зоохарактеристике 'петух' по данным опроса информантов // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1973. Вып. 2. С. 69-73.

Черемисина М.И., Соппа Е.С. К вопросу о семантике зоохарактеристик (на материале русского образа 'петух') // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1973. Вып. 2. С. 55-69.

Черепанова О.А. Типология и генезис названий лихорадок-трясавиц в русских народных заговорах и заклинаниях // Язык жанров русского фольклора. Петрозаводск, 1977. С. 44-57.

Черепанова О.А. Мифологическая лексика русского Севера. Л., 1983.

Черепанова О.А. Типы и способы номинации как характеризующие признаки тематической и лексико-семантической группы слов (к постановке проблемы) // История русского слова: Проблемы номинации и семантики. Волгоград, 1991. С. 20-27.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. 2-е изд. М., 1994.

Чудинов А.П. Сексуальная метафора в современном политическом дискурсе // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Барнаул, 2001. Вып. III. С. 160-170.

Юнг К.-Г. Собрание сочинений. Психология бессознательного / Пер. с нем. М., 1994.